

X
Ф-27

Ар. Фатъевъ.

СВЕДЕНІЕ

ВЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

(Отдѣльный оттискъ изъ XI тома „Народной Энциклопедіи“.)

Ред. Буд.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1912.

34
~~Ф-27~~ - в. о.

X
Ф-27 10-7-46

Перевірено
2002
ВРК

~~Проверено 19 77.~~

~~ВЕРИТИКА
СЕРПЕНЬ 1920~~

Проверено 1968 г.

W 3291

проб.

Введеніє вѣ общественно-юридическія науки.

Наблюдая челоѣческое общество, нельзя не замѣтить вѣ немъ обязательнаго для его членовъ порядка общежитія, пред- полагающаго охрану отъ нарушителей его и защиту обществен- ной силой. Этотъ порядокъ находитъ свое выраженіє вѣ прави- лахъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между лицами, при- надлежащими къ общественной средѣ. Такія правила повели- тельнаго характера и навываются правомъ. На широкомъ смыслѣ этого слова.

Общество и право суть, такимъ образомъ, условія совмѣст- ной жизни людей, тѣсно между собою связанныя. Ибо право не можетъ существовать безъ общества, т. е. социальной среды. Науки, занимающіяся изученіємъ этихъ условій, именуются *общественно-юридическими* или *правовыми*.

Главенствующей теперь надъ всѣми другими формой челоѣ- ческихъ обществъ является *государство*. Главная форма правилъ, дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ его земель — *законъ*, наи- болѣе могущественный, властный *лидъ крана*. Изученіємъ этихъ двухъ формъ и заняты юридическія науки.

«У менѣ культурныхъ народовъ до изданія писаннаго закона дѣйствуетъ постепенно вымирающая теперь правовая форма — юри- дическій обычай (обычное право)». Неписанное, оно хранится вѣ памяти старожилонъ, этихъ какъ бы живыхъ сборниковъ обычнаго права, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Оно дѣйствуетъ обыкноенно вѣ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и общественныхъ груп- пахъ (см. «Обычное право»). Вѣ различныхъ группахъ, входящихъ вѣ составъ государства (напр., семья, у разныхъ національностей, вѣ разныхъ классахъ населенія и проч.), существуютъ и другія правила: нравственныя правила, правила, вытекающія изъ пра- вовъ, правила моды, вѣжливости, приличія и проч. Отмѣтно

рѣкая отсложка права отъ этихъ правилъ обнаруживается, когда въ государствѣ, спаявшемъ въ одно цѣлое общественныя группы (семью, родъ, племя, національность и проч.), въ какихъ эти правила дѣйствовали, на первое мѣсто *по пространству дѣйствія, по обязательности подчиненія всѣхъ* (равенство передъ закономъ), *по силѣ защиты и охраны выдвинулось право*. Еще въ древнее время, у римлянъ, этихъ опытныхъ мастеровъ по части государственнаго строительства ихъ соотечественники—ученые юристы—замѣтили эту роль права. И римскіе юристы подчеркнули такую цементирующую силу права, назвавъ его *связью государства* (ius est vinculum civitatis). Всѣ же другія упомянутыя правила, вытекающія изъ внутренняго уклада: семьи, рода, изъ національныхъ нравовъ, религіи съ теченіемъ времени оказывались дѣйствующими на ряду съ правомъ, въ своей тѣсной средѣ (т.-е. группѣ людей), въ своей мѣстности. («Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай».) Если ихъ значеніе, вѣрнѣе, значеніе общественныхъ группъ (соціальныхъ средъ), гдѣ они образовались, оказывали свою долю вліянія на преобразование общаго скрѣпившаго эти группы въ государствѣ права, то право, въ соотвѣтственной части, становилось въ согласіи съ ними. Но если между ними съ правомъ ничего нѣтъ общаго, въ особенности при усиленіи государственной власти, право устраняетъ дѣйствіе тѣхъ изъ нихъ, какія противорѣчатъ ему. Государство и право образуютъ, такимъ образомъ, общія условія какъ существованію людей во всѣхъ другихъ общественныхъ группахъ, входящихъ въ составъ государства, такъ и другимъ правиламъ, дѣйствующимъ въ этихъ группахъ. Но нельзя, конечно, разсматривать государство и право, какъ причины этихъ группъ и правилъ. Соотношеніе между ними такое же, какъ между водами рѣки и ея русломъ. Рѣка въ данный моментъ течетъ по опредѣленному руслу, но со временемъ отъ напора воды очертанія и даже направленіе русла измѣняются.

Всѣ другія правила, о какихъ было упомянуто, мораль, религія и проч., ближе человѣку, чѣмъ право. Съ ними человѣкъ въ соприкосновеніи постоянно: быть честнымъ, не лгать, помогать ближнему, — все это до такой степени сливается съ характеромъ нѣкоторыхъ людей, что то или другое подобное правило обращается у нихъ въ привычку, входитъ въ людской нравъ. Законъ, право повелительно требуютъ подчиненія себѣ, а нравы всасываются человѣкомъ съ молокомъ матери.

И тамъ, гдѣ, какъ увидимъ ниже, нравы семейные, школьные, общественные, политическіе, профессиональные воспитываютъ въ человѣкѣ съ дѣтства самоуваженіе и уваженіе къ другому

человѣку, создается атмосфера общности, въ которой и широкія народныя массы достигаютъ юридической зрѣлости, т.-е. *сознанія своихъ правъ*, какъ необходимыхъ условій для ихъ жизни въ данную эпоху, такъ и *обязанностей* къ другимъ людямъ, обществу и государству.

Какъ предметомъ изученія въ естественныхъ наукахъ служатъ явленія и законы всей внѣшней, физической природы ¹⁾, такъ точно въ общественно-юридическихъ наукахъ предметами изученія являются законы, устройство и дѣятельность государствъ всѣхъ странъ. Ученые, занимаясь изслѣдованіемъ этихъ законовъ, преимущественно у наиболѣе политически развитыхъ народовъ и юридическихъ обычаевъ у дикарей, у первобытныхъ и малокультурныхъ народовъ и вообще тамъ, гдѣ они сохранились, дѣлаютъ цѣлый рядъ наблюденій: надъ условіями и содержаніемъ общественной жизни, среди которыхъ право образовалось; надъ вліяніемъ, цѣлесообразностью, полезнымъ дѣйствіемъ однихъ законовъ для человѣческой жизни, непригодностью другихъ, т.-е. *условіями ихъ примѣненія къ той же жизни*.

Ученые приводятъ законы въ связь между собою по роду *опредѣляемыхъ ими предметовъ и отношеній*, т.-е. группируютъ *законы по роду примѣненія ихъ къ тѣмъ или другимъ фактамъ частной или общественной жизни*; напримѣръ, отношеніямъ человѣка къ предметамъ природы (вещамъ), силамъ другихъ людей (институты вещнаго, обязательственнаго права) (см. «Гражданское право»), отношеніямъ человѣка, вытекающимъ изъ подчиненія власти (см. «Государственное право»: «Государственная власть») и проч. Такія наблюденія, сравненія, группировки производятся надъ законами всѣхъ извѣстныхъ народовъ. Это даетъ возможность дѣлать обобщенія. Въ результатѣ, несмотря на обиліе, многообразіе обычаевъ и законовъ въ разныхъ государствахъ, сходство ихъ содержанія, причины котораго выясняются ниже, позволяетъ свести это содержаніе къ сравнительно немногимъ общимъ правиламъ, называемымъ научными юридическими принципами. Изслѣдованіемъ и изложеніемъ этихъ послѣднихъ и заняты, главнымъ образомъ, общественно-юридическія науки. Потребность въ изученіи приходитъ для народа довольно поздно. Между тѣмъ ихъ содержаніе во многіе моменты жизни человѣка опредѣляетъ его дѣятельность: напримѣръ, когда человѣкъ покупаетъ и продаетъ, вступаетъ въ бракъ и т. п.

Почему же научное знаніе о правѣ и государствѣ приходитъ къ народу позднѣе, чѣмъ знаніе, даваемое науками о физи-

¹⁾ См. томъ III «Народной Энциклопедіи».

ческой природѣ? Знаніе послѣдняго вида, которое технически приложимо къ жизни, помогаетъ удовлетворенію болѣе жгучихъ и неотложныхъ потребностей его животной жизни. Когда же превзойдена людьми ступень животнаго удовлетворенія, для человѣка наступаетъ время удовлетворенія духовныхъ, *человѣческихъ* потребностей. Діаволь зналъ, что дѣлалъ, когда, согласно библейскому разсказу, обѣщала первымъ людямъ всезнаніе. Какъ и всякій опытный искуситель, хорошо знакомый съ психологіей искушаемыхъ, онъ выбралъ самое сильное средство воздѣйствія: прельщеніе духовными, а не матеріальными интересами. И не ошибся. У людей, имѣющихъ съ избыткомъ всѣ средства къ удовлетворенію своихъ физическихъ потребностей, возникаетъ стремленіе къ знанію «добра и зла» въ моральномъ смыслѣ. Вооружая человѣка въ его жизни, знаніе возвышаетъ человѣка на глазахъ его самого и внушаетъ ему чувство собственнаго достоинства. Чувство собственнаго достоинства не позволяетъ человѣку, какъ животному, мириться съ кнутомъ пастуха, — средствомъ управленія для стада. Человѣкъ, дорастая, въ концѣ-концовъ, до сознанія правъ, какъ необходимыхъ условій его личной и общественной жизни, — правъ, которыя не были за нимъ признаваемы, начинаетъ требовать ихъ. Требованіе же управляемыми признанія правъ есть всегда требованіе пересмотра и переустановленія прежнихъ правовыхъ условій, что для управляющихъ классовъ кажется невыгоднымъ. Такое требованіе обыкновенно совпадаетъ съ переходомъ къ новой ступени историческаго государственнаго развитія народа. Естественно, что для сторонниковъ стараго порядка, въ рукахъ которыхъ продолжаетъ находиться и народное образованіе, науки общественно-юридическія, которыя и служатъ раскрытію человѣческихъ правъ и обязанностей въ обществѣ, представляются опасными.

Къ сказанному необходимо добавить еще слѣдующее. На первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества, въ первобытныхъ формахъ общенія, и, какъ сказано выше, у малокультурныхъ народовъ господствуетъ обычное право, которому подчиняются по привычкѣ. Затѣмъ, когда обычное право замѣняется, въ большей или меньшей степени, писаннымъ закономъ, въ жизни каждаго народа, организующагося къ этому времени въ государство, наступаетъ, въ концѣ-концовъ, упомянутая выше пора юридической зрѣлости, когда и широкія массы народа должны разбираться въ законахъ. Въ кругѣ предметовъ школьнаго, начальнаго образованія и самообразованія для взрослыхъ, не успѣвшихъ получить таковое, ученіе о правѣ и государствѣ дѣлается тогда необходимымъ.

Это происходитъ вотъ почему.

Въ правовомъ развитіи всѣхъ народовъ земного шара можно намѣтить два періода, существенно отличающихся другъ отъ друга, съ точки зрѣнія отношенія широкихъ слоевъ населенія къ процессу правотворенія (законодательства).

Въ первомъ періодѣ народъ рѣзко дѣлится на двѣ неравныя части: одна, меньшая, командующая, состоявшая изъ правящихъ, властныхъ и богатыхъ классовъ, вліяющихъ на изданіе законовъ, и другая, большая, по традиціи подчиняющаяся законамъ, полученнымъ ей или отъ предковъ или чрезъ повелѣнія правящихъ классовъ. Этимъ законамъ повинуются, не интересуясь вопросомъ о ихъ происхожденіи, основаніи ихъ обязательности, цѣлесообразности и проч. Повинуются, потому что обычаи искони существуютъ («такъ ведется отъ отцовъ и дѣдовъ», «такъ бывало по старинѣ и пошлѣнѣ»), потому что имъ повиновались предки, къ нимъ привыкли («чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе»), и, наоборотъ, всякое новшество, всякое заимствованіе отъ чужеземцевъ раздражаетъ. «Не нами установилось, не нами и переставится», «Противъ обыка не спорь!», «Мало ли что въ людяхъ водится, да ~~каждъ~~ у насъ нѣтъ»... Въ этихъ выраженіяхъ русской народъ даетъ характеристику такого періода. И законамъ повинуются въ силу той же, ранѣе созданной привычки къ безотчетному повиновенію.

Во второмъ періодѣ народъ, лично или черезъ представителей — выборныхъ становится въ большей или меньшей степени участникомъ законодательной работы. Здѣсь, прежде безотчетное, пассивное отношеніе къ праву постепенно замѣняется сознательнымъ, болѣе вдумчивымъ и критическимъ отношеніемъ къ существовавшимъ дотолѣ обычаямъ и законамъ. Ставится вопросъ о соотвѣтствіи ихъ съ измѣняющимися экономическими, политическими и вообще бытовыми условіями жизни. Не то хорошо, что установлено издревле, а то хорошо, что дѣйствительно полезно и цѣлесообразно для личной общественной жизни. Ссылки на старину и привычку уже не удовлетворяютъ даже мало образованныхъ, простыхъ людей. У нихъ возникаютъ вопросы: почему существуетъ такой-то законъ, съ какою цѣлью онъ изданъ, вопросы объ основаніи права, а слѣдовательно, и о его происхожденіи, о происхожденіи самого государства. Начинаютъ сравнивать бытъ, условія жизни и законы другихъ странъ съ отечественными и пр.

Именно въ такіе моменты пробуждающагося народнаго самосознанія и правосознанія нѣтъ ничего цѣннѣе необходимой помощи науки, которая даетъ посильные отвѣты на всѣ подобнаго